

ББК ТЗ (2Р-6Т)
УДК 297.17

Д. Д. Каяткина
D. Kayatkina
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**СТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРСКОГО ДЖАДИДИЗМА В РОССИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**
**THE FORMATION OF TATAR JADIDISM IN RUSSIA IN THE SECOND
HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Аннотация: В статье рассматриваются исторические предпосылки оформления общественно-политического движения татарской модернизации в конце XIX – начале XX в. в контексте общегосударственного реформирования Российской империи. В связи с этим анализируется историографическое наследие по вопросам зарождения джадидизма, изучаются механизмы, концептуальные программы и условия, особенности преобразования образовательной среды, развития национальной прессы, языка, культуры татар Урало-Поволжья.

Ключевые слова: джадидизм; экономическая модернизация; образовательные реформы; ислам; мусульманская буржуазия.

Abstract: The article examines the historical prerequisites for the formation of the socio-political movement of the Tatar modernization in the late XIX – early XX centuries. In the context of the national reform of the Russian Empire. In this regard, the historiographic heritage on the issues of the origin of Jadidism is analyzed, mechanisms, conceptual programs and conditions, features of the transformation of the educational environment, the development of the national press, the language, and the culture of the Tatars of the Ural-Volga region are studied.

Keywords: jadidism; economic modernization; educational reforms; Islam; Muslim bourgeoisie.

Формирование в конце XIX – начале XX века новых социальных отношений сопровождалось трансформацией социокультурной, политической и экономической реальности Российской империи. Активизация модернизационных процессов отражается, в том числе и на тюрко-мусульманском населении страны, сосредоточенном в данный период на поиске основ национальной идентичности. Представляя собой уникальный процесс реорганизации мусульманской культуры при сохранении нравственных основ и духовных ценностей исламской цивилизации, джадидизм способствовал либерализации политического мышления, демократизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Интеграция в современной образовательной среде актуализирует дискурс о возрождении и сохранении культурно-исторического наследия, традиций религиозных школ. Не менее важна предпринимаемая в исследовании попытка

реконструкции концептуальных истоков развития джадидизма, так как историографическая база рассматриваемой проблемы ограничена и недостаточна для комплексного переосмысления реформирования мусульманского образования.

В истории изучения социально-философских аспектов джадидистского движения мусульман Российской империи можно выделить несколько векторов историографических разработок. Первый блок проблем — исследования российских ученых, касающиеся истории распространения и развития ислама среди тюркских народов России. Существенным вкладом в разработку отдельных аспектов данной темы явились труды российских исследователей А. В. Малашенко, Т. С. Саидбаева, Л. М. Дробижевой, В. Тишкова [4].

В XIX – начале XX в. формами противостояния имперской политике и ассимиляции были тюркизм и панисламизм. Ислам долгое время исполнял роль постулирующей основы, доминанты татарской культуры, в его русле развивались общественно-философские, правовые и нравственные идеи. Трансформация просветительства и общественной мысли, мусульманской интеллигенции исследуется в рамках революционной парадигмы, дополняется изучением эволюции ислама.

А. В. Малашенко дает наиболее общий обзор возрождения ислама в постсоветский период, предваряя его очерком об истории ислама в России в дореволюционный и советский периоды, особое внимание уделяет деятельности исламских политических организаций. Его работа содержит важный фактологический материал, но носит описательный, очерковый характер. Т. С. Саидбаев пишет о соотношении ислама и общества на примере Среднеазиатского региона в советский период, о заметном воздействии ислама на становление и развитие этнического сознания. К вопросу национально-религиозного движения мусульман примыкает сюжет, связанный с мусульманскими панидеологиями – панисламизмом и пантюркизмом [2, с. 44].

Второй блок историографии охватывает различные аспекты джадидистского течения, исследованием которого непосредственно стали заниматься в 1920–1930-е гг.: Галимджан Ибрагимов, Джамалетдин Валидов, Габдрахман Сагди, Галимджан Шараф, Хаджи Габидуллин, А. Аршаруни. После 1917 г. наиболее важной работой по мусульманскому образованию стало исследование Д. Валидова, который последовательно рассматривает процессы перехода от школы с традиционной системой преподавания к новометодной.

В работах В. М. Горохова, Р. М. Раимова и других советских авторов уделяется внимание образовательному аспекту джадидизма. Проблемы мусульманского образования на частных примерах мектебе и медресе рассматривались в работах А. Любимова, И. Ардашева. Анализируя уровень конфессионального образования на фактических данных, авторы приходят к выводу, что в начале XX века в татарских и башкирских школах начинается процесс перехода к новой системе просвещения, причем этот процесс идет тем быстрее, чем ближе в географическом положении школа находится к административному центру. Проблематика социальных преобразований рассматривается в контексте сопоставления с традиционализмом. В трудах религиозных деятелей (Ишмухаммед

ат-Тунгари, Шах Ахмад ал-Менгари, Гиладжуддин ас-Сардари) в отношении джадидизма дается критическая оценка.

В 1960–1980-е годы оценка джадидизма была представлена в работах историков, литературоведов, исследователей общественной мысли в связи с необходимостью создания фундаментальных научных изданий, в том числе энциклопедий, отражающих исторический путь духовного развития народов СССР и России: Я. Г. Абдуллин, С. М. Михайлова, К. Ф. Фасеев, Г. С. Исмагилов, Б. Х. Юлдашбаев, А. И. Харисов, Г. Б. Хусаинов, Д. М. Азаматов, Г. С. Кунафин, А. Х. Вильданов, А. Х. Махмутова, Р. И. Нафигов, Г. М. Хисамутдинов, Х. Х. Хасанов, З. А. Ишмухаметов. Так, Я. Г. Абдуллин рассматривает мусульманскую школу как ядро идейной жизни татар, заключая связь обновления профессионального образования и модернизации общественно-политического сознания народа. Р. И. Нафигов подчеркивает буржуазно-реакционный характер джадидизма, конформистского движения по отношению к имперской политике.

Тема джадидизма имеет место в исследованиях постсоветского периода Р. Г. Ланда, Л. А. Ямаева, Р. М. Мухаметшин, А. Н. Юзеев, Р. А. Набиев, А. Ю. Хабутдинов и другие. Из современных исследований особый интерес представляет работа В. Ю. Ганкевича, специализирующегося на вопросах крымско-татарской педагогики. Содержание работы дает возможность проследить, как И. Гаспринским джадидистские реформы впервые были осуществлены на практике, какие общие с другими регионами тенденции компактного расселения мусульманских народов имели. Анализируя статьи «Терджимана», автор приходит к выводу, что это газетное издание сыграло большую роль в прогрессивных изменениях общественной жизни тюркских народов. Труды Л. А. Ямаевой, Д. Усмановой специализируются на исследовании уровня социокультурного и экономического развития тюркских народов Урало-Поволжского региона, реакции различных социальных групп на реформы языка и школы, обновление ислама, функционирование первой общемусульманской партии «Союз мусульман», участие общественных деятелей в работе Государственной Думы.

Подытоживая историографический спектр проблемных блоков, можно подтвердить недостаточность изученности вопроса, отсутствие четких комплексных представлений о предпосылках джадидистского движения. В содержательном плане из различных аспектов детерминирования джадидизма: обновление религии, образовательные реформы, национальная пресса, «женский вопрос», политическая активность деятелей движения, – интерес исследователей сосредотачивается или на вопросе деятельности, или на характеристике сравнительно-исторического анализа преобразования образовательной среды.

Г. Ибрагимов и Г. Сагди отождествляли джадидизм с просветительством. Так, например, Г. Ибрагимов рассматривал джадидизм как новый этап в эволюции татарского просветительства и характеризовал его как «... крупное общественное движение против закостенелости и кадизма». Анализируя истоки и содержание джадидизма, Г. Ибрагимов связывал его возникновение с деятельностью ранних татарских просветителей (Ш. Марджани, К. Насыри,

Х. Фаизханов) и подчеркивал, что джадиды вслед за ними выступили за реформу национального образования и культуру. Вместе с тем Г. Ибрагимов роль джадидизма расширял от чисто просветительского контекста до утопичной трансформации общественного создания: «новый взгляд на мир, превращение из Востока в Запад». Интересно, что Р. У. Амирханов, анализируя причины малых результатов в ходе развития татарского просвещения, видит ограничительные механизмы исключительно в политике имперского правительства, которое под видом борьбы против «мусульманско-татарского» влияния, пантюркизма и панисламизма ограничивает оформление национальной светской образовательной среды. Даже после революции 1905–1907 гг., позволившей модернизировать сферу образования, татарские медресе согласно государственным законодательным актам могли функционировать в рамках конфессиональной программы. В то же время двери русских учебных заведений со светским образованием для татар, за несколькими исключениями (Казанский университет, несколько вузов Петербурга), были закрыты вплоть до первой русской революции.

Современная историография не выработала обобщающего комплексного определения джадидизма, в настоящем исследовании данное явление рассматривается с нескольких позиций: джадидизм – как общественное течение, связанное с новым звуковым методом преподавания азбуки, вводимым в систему мусульманского образования народов России; альтернатива хадиму – безумной зубрежке Корана. Центром образования продолжала оставаться Бухара, школа которой базировалась на заучивании комментариев и догматики на персидском языке; эта практика приводила к очень малому проценту получения полного образования. Джадидизм – как этап татарского просветительства, выступавшего против наследия феодального прошлого, за создание условий для буржуазно-демократических преобразований [1, с. 104].

В джадидистском движении отсутствует единая концептуальная и четко регламентированная программа организации. В то же время можно выделить следующие специфические черты: признание просвещения и образования в качестве критерия прогресса, практическая полезность духовных ценностей – индустриальное общество требовало человека нового типа, приоритет научного познания, культура толерантности, следующая из интеграции тюркомусульманского социума, этика благотворительного поведения, единство этического и эстетического.

Основоположниками культурного реформирования татарского общества посредством религиозной модернизации были такие крупные деятели, как Абу-Наср ал-Курсави, Шигабuddin Марджани, Исмаил Гаспринский, Хусаин Фаизханов. Сомнения в правильности изолированности мусульманского общества, сепарационных от российской администрации и общества тенденциях становились все более устойчивыми, несколько структурируя направление оформления джадидизма. С одной стороны, духовная стагнация и элитарность приобщения к мусульманской культуре даже внутри общины ограничивали творческий потенциал функционирования общины, следствием чего стали тезисы о необходимости применения индивидуальных методов интерпретации

догматов веры. Аксиоматическая ценность таклида – формалистического восприятия авторитета исламской догматики установленной улемой – не являлась достаточной для реализации образовательных потребностей, интеграции в культурное сообщество Российской империи XIX в. Иной формой преодоления религиозной ригидности стала развитая Ш. Марджани идея обновления общественного сознания посредством возвращения к первоначальной чистоте ислама, видоизмененного наследием каламистов [6, с. 53].

С середины XIX в. среди мусульман России четко обозначились две линии: традиционализм как средство защиты от подрыва позиций ислама и этноконфессиональной самобытности мусульман разных регионов через лояльность царской администрации и верность императору и модернизаторство как средство обновления ислама и приспособления жизни мусульман к новым требованиям и веяниям.

Анализ открытия и деятельности новометодных медресе и школ: Мухаммадия, Касымия, Галия, Хусаиния, Расулия – показывает исключительную ценность благотворительности и меценатства как основного источника функционирования образовательных заведений. Активная финансовая поддержка мусульманской буржуазией ставила целью модернизацию согласно современным условиям. Духовное образование вполне обеспечивало потребности буржуазии в условиях фактической монополии на торговлю с единоверцами. Включение Казахстана, Туркестана в сферу контроля российской администрации привело к неравноправной конкуренции мусульманской буржуазии. Строительство железных дорог, соединение с европейской частью империи, качественное изменение характера и объема торговли, отсутствие банковских учреждений у татар не давало возможности концентрации капитала. Таким образом, крупные собственники выступали основными заказчиками реформы, испытывая потребность овладения языком администрации и системой торговли по европейскому образцу.

Среди значимых источников развития джадидистских идей выделяется комплекс мероприятий, таких как мусульманский реформизм XIX в., влияние на татар русской философской и политической мысли, воздействие турецко-оттоманского возрождения, возникшего в результате реформ Танзимата в XIX в. Собственно татарские истоки воплотились в росте национального самосознания как результата конфронтации с имперско-православным и общественным сознанием. Оформлению джадидизма в немалой степени способствовали специфические особенности татарского ислама – внутри религиозного пласта функционировало культурное общетюркское наследие [5, с. 101–102].

В своей сущности джадидизм является наиболее ранней в мусульманском мире формой реформаторского движения, ставившей целью через модернизацию приспособить ислам к развивающейся технико-цивилизационной цивилизации. Татарские интеллектуалы менее чем за полстолетия преуспели в превращении квази-средневекового исламского общества в относительно современное, динамичное и жизнеспособное сообщество, которое смогло пережить как сталинский террор, так и попытки советской ассимиляции [6, с. 38].

Джадидизм, таким образом, формируясь под влиянием экономических запросов, целенаправленно реформировало социальные устои общества ради достижения конкурентоспособности относительно российского капитала, образования национальной экономики, что с одной стороны, создавало бы ресурсную базу в контексте дискуссии о тюркоязычном, мусульманском, татарском единстве, а с другой – способствовало бы региональному развитию и культурной интеграции в российское общество.

Библиографический список

1. Абдуллин, Я. Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место / Я. Г. Абдуллин. – Казань : Татарское книжное издательство, 1998. – С. 3–35.
2. Исхаков, Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению / Д. М. Исхаков. – Казань : Иман 1997. – 80 с.
3. Каримов, Н. Ф. Возникновение джадидизма как первоосновы национальной идеи / Н. Ф. Каримов // Ступени познания. – Узбекистан : Среднеазиатский государственный университет, 2016. – С. 72–81.
4. Малашенко, А. В. Исламское возрождение в современной России / А. В. Малашенко. – М. : Центр Карнеги, 1998. – 222 с.
5. Мухаметшин, Р. М. Татары и ислам в XX веке: ислам в обществе и политическая жизнь татар и Татарстана / Р. М. Мухаметшин. – Казань : Фэн, 2003. – 303 с.
6. Рорлих, А. А. «The Volga Tatars: a profile in national resilience» / А. А. Рорлих. – Пало-Альто : Стэнфордский университет, 1986. – 288 с.
7. Сенюткина, О. Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) / О. Н. Сенюткина // Исламоведение. – 2018. – № 2. – С. 15–29.
8. Ямаева, Л. А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губернии) / Л. А. Ямаева. – Уфа : Гилем, 2002. – 300 с.